9 83/2

ИЗЪ КНИГЪ
М. СОЛОВЬЕВА
466.

Я 83
2

2014108653

Q 83
2

ЧЕТЫРЕ БАСНИ
И. КРЫЛОВА.

СЪ НЕИЗДАННЫМИ РИСУНКАМИ

А. ОРЛОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Кружокъ Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій
1907.

ЧЕТЫРЕ БАСНИ И. КРЫЛОВА.

Настоящее изданіе отпечатано въ количествѣ 500 нумерованныхъ экземпляровъ, при чемъ №№ 1—27, съ отдѣльною сюитою всѣхъ рисунковъ на японской бумагѣ, для Членовъ Кружка.

№ 64

Всѣ рисунки воспроизведены съ оригиналовъ А. Орловскаго изъ коллекціи Е. Г. Швартца.

11185
В

ЧЕТЫРЕ БАСНИ
И. КРЫЛОВА

СЪ НЕИЗДАННЫМИ РИСУНКАМИ

А. ОРЛОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Кружокъ Любителей Русскихъ Изящныхъ Изданій
1907.

КОНЬ и ВСАДНИКЪ.

Какой-то Всадникъ такъ Коня себѣ нашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводовъ:
Конь слушался его лишь словъ.
—«Такихъ коней и взнуздывать напрасно»,
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
«Ну, право, вздумалъ я прекрасно!»
И, въ поле выѣхавъ, узду съ Коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И, вскинувъ голову, потряхивая гривой,
Онъ выступкой пошелъ игривой,
Какъ будто тѣша Сѣдока.
Но, смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
Взялъ скоро волю Конь ретивый:
Вскипѣла кровь его, и разгорѣлся взоръ;
Не слушая словъ Всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Чрезъ все широко поле.
Напрасно на него несчастный Всадникъ мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,
И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь, пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,

Поколь, въ оврагъ со всѣхъ махнувши ногъ,
До смерти не убился.
Тутъ въ горести Сѣдокъ,
«Мой бѣдный конь!» сказалъ: «я сталъ виною
Твоей бѣды!
Когда бы я не снялъ съ тебя узды—
Управилъ бы, навѣрно я тобою;
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертью-бъ самъ столь жалкой не погибъ!»

Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

КВАРТЕТЪ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть Квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки—дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка, «погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я, прима, сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали Квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ Оселъ: «мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.

Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить
сомнѣнье;
«Пожалуй», говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»
— «Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ соловей,
«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

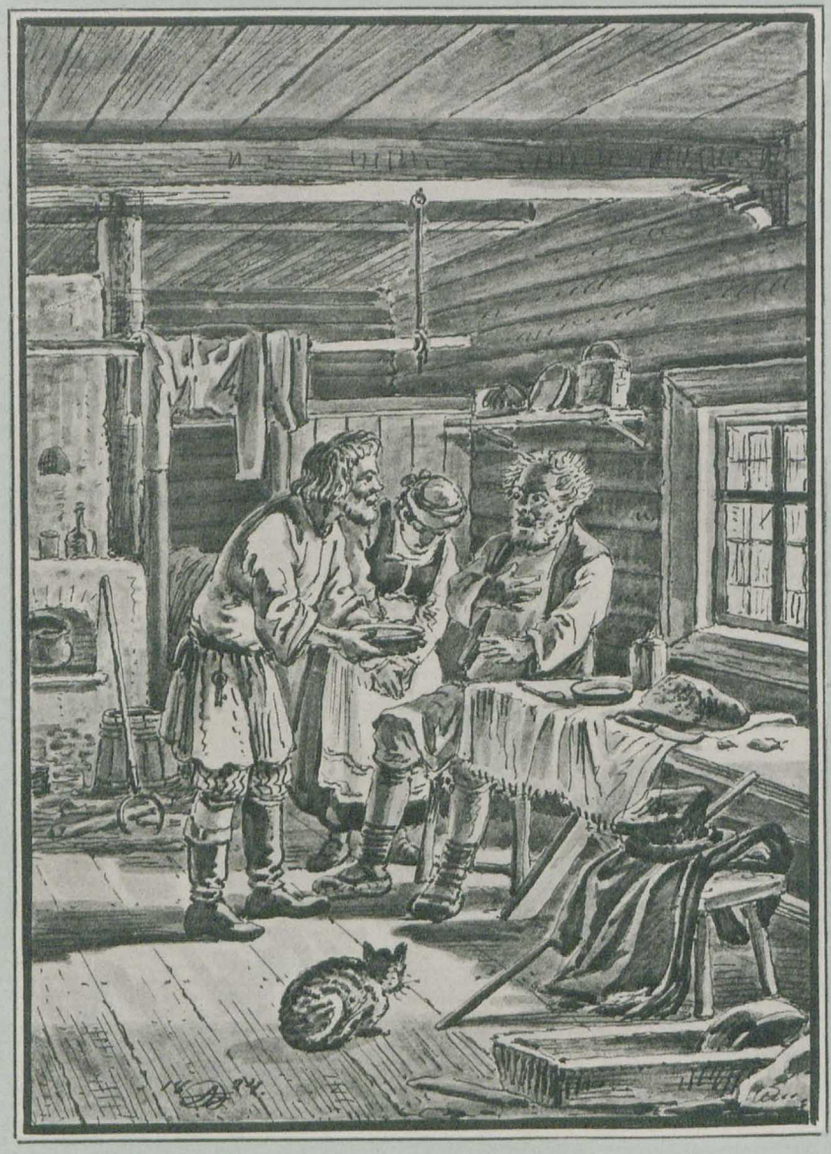
СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ, лежа, грѣлись,
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе-бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые-жъ псы, притомъ,
Ни на кого не лаютъ днемъ—
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
«Что можетъ», говоритъ Полканъ, «пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;

Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить!
Вотъ если-бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась!
Скажу я смѣло,
Мы-бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло».
—«А что же? это дѣло!»
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
«Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно».
—«Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена!»
Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!»—«Вотъ она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться,
Не зная съ радости къ кому и приравняться:
«Орестъ мой!»—«Мой Пиладъ! Прочь свары, зависть,
злость!»
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.

Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:
Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ:
Насилу, наконецъ, ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва-ль не одинаки:
Послушать, кажется, одна у нихъ душа;
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!



ДЕМЬЯНОВА УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай».
—«Сосѣдушка, я сытъ по горло».—«Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»
—«Я три тарелки съѣлъ».—«И, полно, что за счеты,
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Такъ потчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю.—«Вотъ друга я люблю!»
Вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку—
Скорѣй безъ памяти домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь;
Но если помолчать во-время не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза, и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

2014108653